

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. **НОВЫЙ** На ст. жел. д. 20 коп. **САТИРИКОН**

№ 41

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

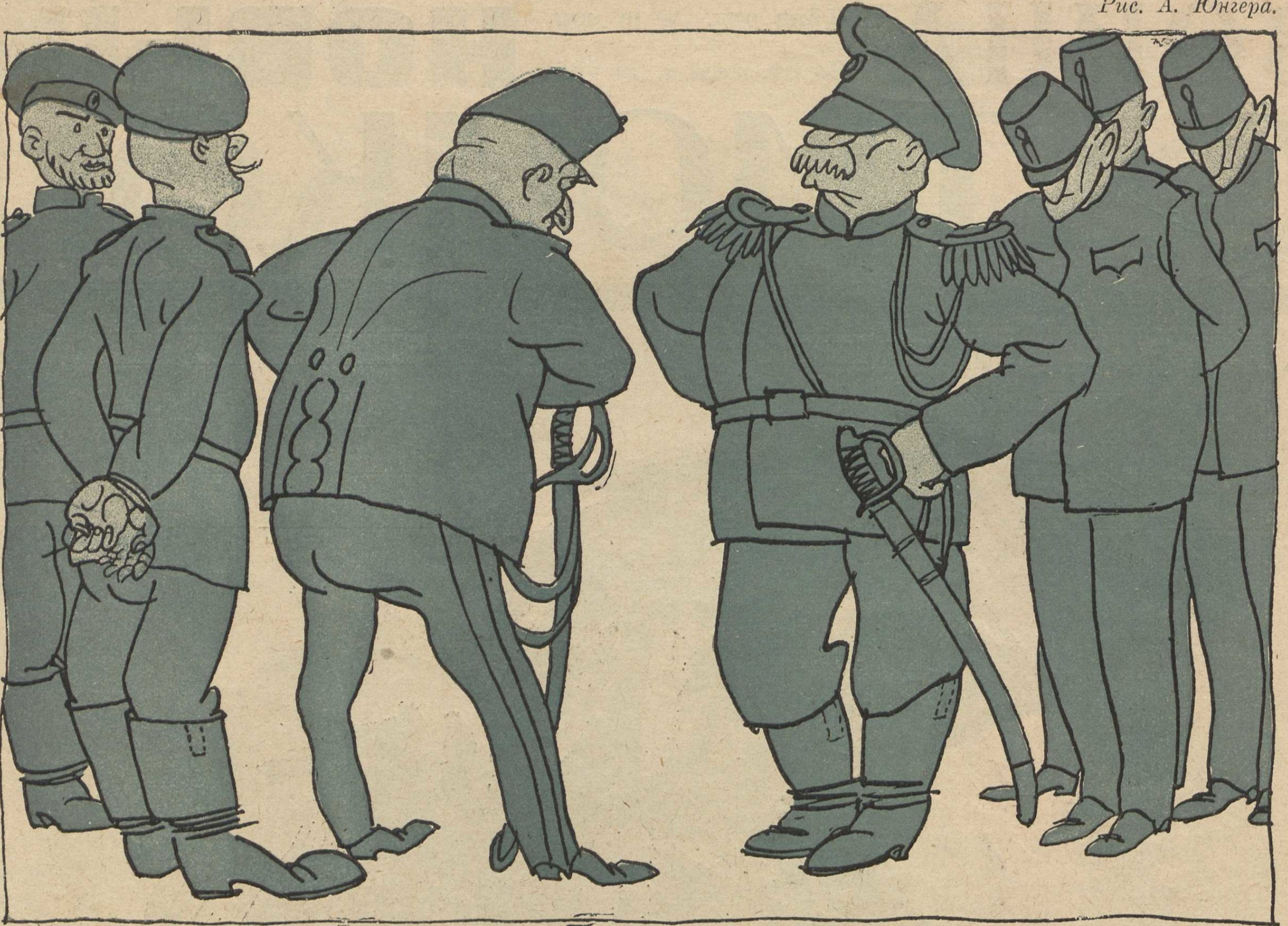
8 ОКТЯБРЯ

Т Ы Л Ъ.

„За могучими львами, часто добывающими себѣ добычу цѣной жизни, трусливо крадутся гиены и шакалы. Они, ничѣмъ въ отличие, сытно питаются остатками добычи львовъ и при малѣйшей опасности исчезаютъ“. („Жизнь животныхъ“ — Брэма.)

им. Н. А. Некрасова

ПРИ ОБМѢНѢ ИНВАЛИДАМИ.

Австрійскій офицеръ: — Вы должны за одного австрійца двухъ русскихъ давать.

Русскій офицеръ: — Съ какой это стати?!

Австрійскій офицеръ: — Да вѣдь у васъ же есть пословица: за одного битого двухъ небитыхъ даютъ.

СКУКА ЖИЗНИ.

Темной ночью, когда во вселенной
Тщетно звѣзды боролись со мглой,
Плакаль, къ тучамъ склонивши колѣно,
Старый дьяволъ о славѣ былой.

Въ переулкѣ глухомъ, у порога,
Гдѣ стояла озерами грязь,
Отъ слезы ненавистника Бога
Скука жизни въ ту ночь родилась.

Кто-то маленькій, сморщенный, мокрый
Всталъ изъ лужи. Все тѣло его
Было цвѣта казарменной охры,
А въ глазахъ, какъ въ грязи — ничего.

По-старушечьи съ немочью давней
Скука дрябло трясла головой.
Спозаранку зѣвнувшюю ставней
Проглотилъ ее домъ угловой.

Скука толстымъ мурлыкой легла тамъ.
Но лишь звякнулъ на кухнѣ звонокъ,
Какъ явилась бухарскимъ халатомъ
Господину, что былъ одинокъ.

А потомъ перекинулась книгой.
И ворчалъ холостякъ цѣлый день
На прислугу: «Да тише ты шмыгай!
Лучше валенки, дура, надѣнь!»

Въ управленье просителемъ чиннымъ
Скука тихо вплыла, какъ вода;
За прилавокъ проникла аршиномъ;
Одолѣла попа безъ труда.

Къ богадѣльнѣ подкралась попутно.
Надъ чулкомъ, подъ жужжаніе мухъ,
Тутъ скучали, бранясь поминутно,
Два десятка беззубыхъ старухъ.

Скука вечеромъ двинулась дальше.
Расплылась въ ресторанной толпѣ,
Вкралась фоксомъ въ салонъ къ генеральщѣ,
На атласномъ легла канапѣ.

Надушенной изящною сплетней
Пропорхнула въ ушко изъ ушка;
Разсмѣшила остротой столѣтней
Промотавшаго умъ старичка.

Забрела она въ спальню супруговъ...
«Нѣтъ ужъ, матушка, нынче уволь»...
...И подъ столикомъ что-то понюхавъ,
За портьеру порхнула, какъ моль.

Послѣ, скользкой невиданной жабой,
Подъ сосѣднюю дверь проползла,
Къ юной дѣвушкѣ, блѣдной и слабой,
Холодкомъ въ изголовье легла;

Пріоткрыла у жизни изнанку,
Прошептала сквозь сонъ: не живи!..
И подсунула смертную склянку
Вмѣсто солнца, цвѣтовъ и любви.

Алексѣй Липецкій.

ОТЧАЯВШЕЕСЯ.

— Послушайте, это что за очередь? Къ сахару?
— Не могу вамъ сказать точно. Я лично за денатура-
томъ всталъ. Все равно магазинъ запертъ.

ИЗЪ-ЗА ДВУХЪ КОПѢЕКЪ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Именно изъ-за этой суммы и произошла вся дороговизна русской жизни, вся бѣшеная скачка на предметы первой необходимости, на предметы второй и даже на предметы третьей необходимости...

Трудно было автору разобраться въ этомъ, однако, ничего — разобрался.

Извозчикъ Иона Плюгавинъ, услышавъ впервые, что цѣна на полпорціи чаю съ ситнымъ поднята на двѣ копѣйки — сначала остолбенѣлъ отъ негодованія, а потомъ, какъ громъ, разразился на всю чайную:

— Это что же т-такое будетъ, извольте спросить?! Это какъ же? Это за что жъ?! Эт-та, значитъ, съ человѣка рубаху снять, такъ и будьте здоровы? Что жъ ты двѣ копѣйки взялъ только? Ты бы съ меня миллионъ бы содралъ! Что жъ братъ—дери! Подохнешь, съ собой не возьмешь, паукъ паршивый!!

— Иди, дядя, иди. Нехорошо ругаться.

— Я пойду, братъ! Я пойду! — кричалъ выпроваживаемый извозчикъ. — Только я этого дѣла такъ не оставлю.

И не оставилъ.

— Извозчикъ! На Большую Зеленину.

— Положите полтора рублика.

— Съ ума ты сошелъ?!

— Намъ сходить съ ума не изъ чего. Какіе наши достатки, чтобы съ ума сойти. Не очень-то тутъ сойдешь при такихъ дѣлахъ... Впору и такъ прожить. Не до жиру — быть бы живу. А только теперь, баринъ, разъ все подорожало, то иначе никакъ нельзя...

Извозчикъ такъ кричалъ, что сѣдоку сдѣлалось неловко.

— Вези ужъ, чортъ съ тобой.

И поѣхалъ, хотя злость кипѣла въ его сердцѣ.

«Грабители анаемскіе, — думалъ онъ. — Шкуру содрать готовы. Ну, хорошо же...»

Извозчикъ былъ — Иона Плюгавинъ. Сѣдокъ — владѣлецъ магазина живыхъ цвѣтовъ, Трепачевъ.

— За эти хризантемы 25 рублей? За что же, помилуйте... Тутъ и двухъ десятковъ не наберется.

— Да-съ. Такая цѣна. Нынче, знаете, все дорого; вонъ извозчики такъ дерутъ, что по міру скоро пойдешь.

— При чемъ тутъ извозчики? Всегда хризантемы по 7 рублей дюжина стоили, а теперь — съ чего это вдругъ?..

— Да-съ.

— Еще если бы для кого путнаго, а то женѣ покупаю. Именинница она. Уступите.

— Не могу-съ. Все вздорожало. Извозчики. И, вообще, разное.

— Очень даже это стыдно съ вашей стороны. Ну, давайте.

Хозяинъ цвѣточного магазина былъ — Трепачевъ. Покупатель — мѣховщикъ Тютинъ.

— За этс боа 300 рублей? Да вы перекреститесь.

— Намъ, сударыня, креститься нечего. Давно крещены. А только все теперь вздорожало. Цвѣты, напимѣрь, пробовали покупать?

— Зачѣмъ мнѣ покупать — мнѣ дарятъ. А только раньше это боа стоило двѣсти и никакъ не больше.

— Двѣсти? — горько усмѣхнулся хозяинъ мѣхового магазина Тютинъ. — И охъ, какъ вы ошибаетесь, сударыня!

Хозяинъ не солгалъ. Покупательница, хорошенькая брюнетка Муся, тайная подруга жизни рыбнаго и колониальнаго торговца Хапхапова, дѣйствительно ошибалась: боа раньше стоило сто рублей.

— Ну, заверните, — сердито сказала Муся. — Я знаю теперь, что мнѣ дѣлать.

— Муся! Вѣдь я тебѣ и такъ почитай восемьсотъ даю! Неужели мало?

— Мало?! Да ты что жъ думаешь теперь гѣ времена, когда фунтъ говядины 7 копѣекъ стоилъ?! Нѣтъ, братецъ... Или съ перваго числа ты мнѣ даешь полторы тысячи или...

— Муся!! Мусенька! Не надо говорить — «или»! Хорошо! Ты знаешь, что я жить безъ тебя не могу.

Такъ говорилъ рыбный и колониальный торговецъ Хапхаповъ.

Бдучи домой, онъ шепталъ:

— Хорошо... Я покажу этимъ чертямъ, гдѣ раки зимуютъ.

* * *

Изъ газетъ:

«Вчера въ магазинѣ Хапхапова произошелъ трагическій случай. На глазахъ многочисленныхъ покупателей скончалась отъ разрыва сердца вдова губернскаго секретаря Секлетя Многихъ.

Вошла она въ магазинъ совершенно здоровой и бодрой и, купивъ полфунта сахара, мимоходомъ остановилась у боченка съ зернистой икрой, освѣдомившись о цѣнѣ ея. Едва успѣлъ приказчикъ удовлетворить ея любопытство, какъ она зашаталась, икнула и, бездыханная, повалилась головой прямо въ боченокъ съ икрой. Вытащили ее уже мертвой. Какой-то доброволецъ изъ лублики взялся доставить ее въ мертвецкую при томъ, однако, условіи, что право съемки со старухи икры (около $\frac{1}{4}$ фунта), предоставятъ ему, добровольцу, въ видѣ гонорара за доставку.

Мы должны отмѣтить, что это уже не первый случай внезапной смерти въ магазинѣ Хапхапова, и все отъ одной и той же причины — разрыва сердца».

* * *

И подумать только: не сдѣлай хозяинъ чайной надбавки въ двѣ копѣйки, ничего бы этого не было!

Сложная штука—жизнь, и только мы, философы, можемъ въ ней разобраться.

Арк. Аверченко.

Рис. Миссъ.

ТОЧНЫЙ РАСЧЕТЪ.

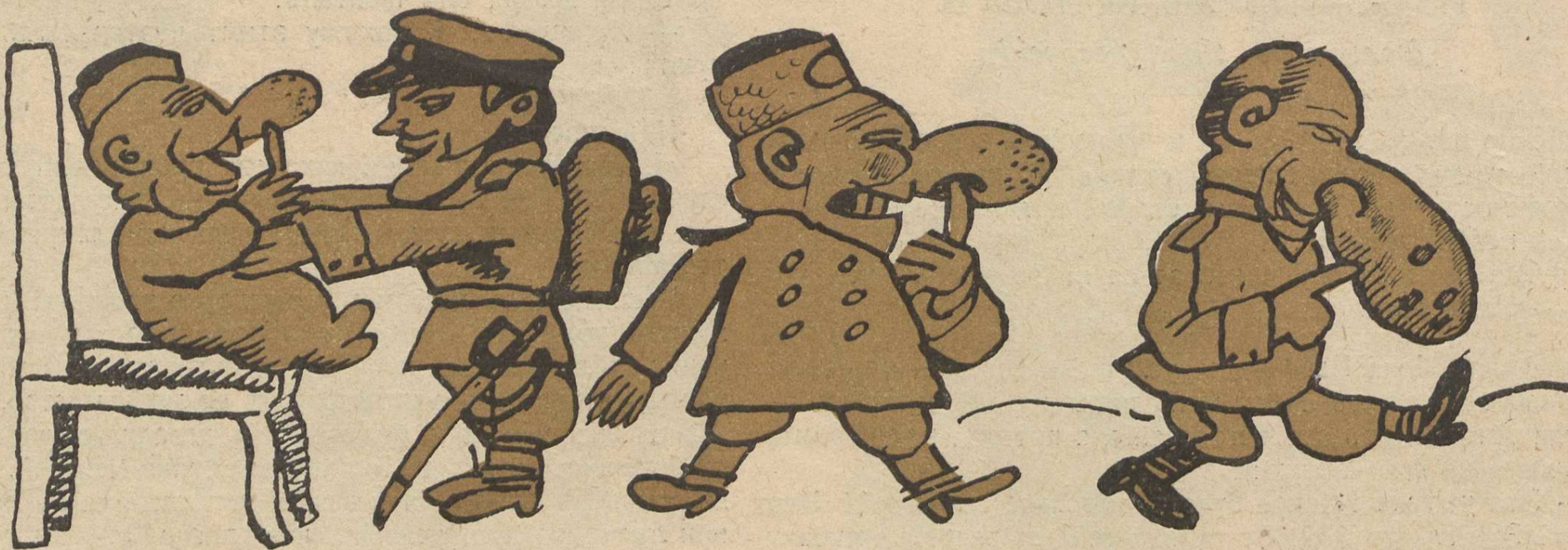
— Ты знаешь, Глаша, мой новый поклонникъ увѣряетъ меня, что его векселя цѣнятся на вѣсь золота.

Горничная: — Эка невидаль! Возьмите вы десять векселей по двадцати тысячъ — они и судуть вѣсить столько же, сколько золотой десятирублевикъ.

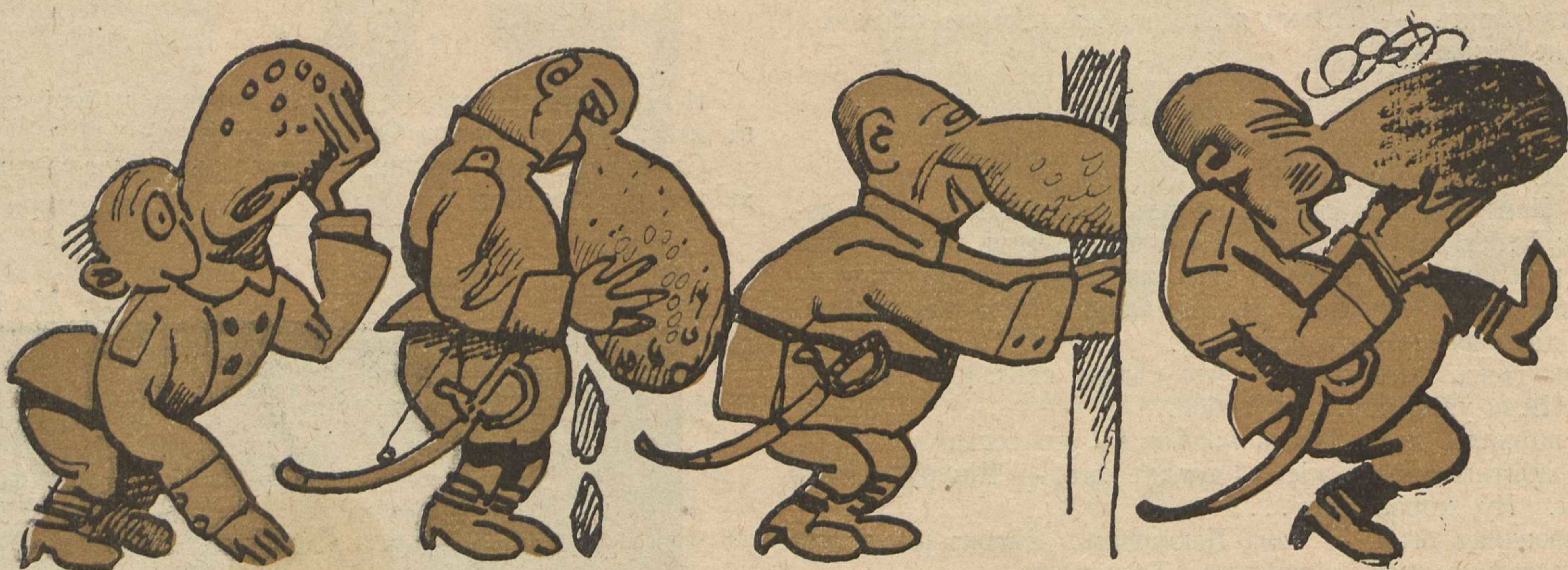
О ФЕРДИНАНДѢ — ДЛИННОМЪ НОСѢ.

(Сказка для всѣхъ возрастовъ и чиновъ.)

Рис. А. Радакова.

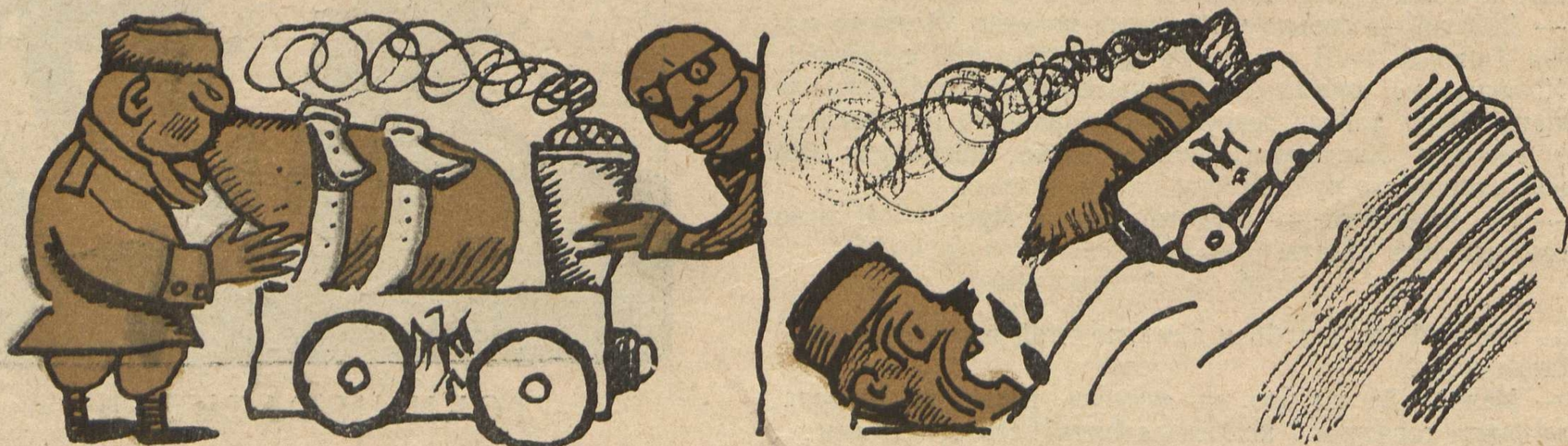
Посадилъ Фердинанда русскій солдатикъ на тронъ, — сиди и не шуми, веди себя хорошо, занимайся дѣломъ! — А Фердинандъ Длинный Носъ дѣломъ не сталъ заниматься и сталъ себя плохо вести и въ носу ковырять. Носъ выросъ большой, пребольшой.

Держалъ носъ по вѣтру, который изъ Берлина дулъ. Гдѣ жаренымъ пахло — туда заглядывалъ.

Залѣзъ со своимъ носомъ на Балканы. Захотѣлъ быть королемъ Балканскимъ. Не удалось, — получилъ по носу. Забинтовалъ носъ и сверху нѣмецкую каску для прочности надѣлъ.

А теперь опять. Уговорилъ его нѣмецъ носъ на паровозъ положить, чтобы легче идти было, паровозъ на Балканы пустить. Поѣхалъ нѣмецкій паровозъ, не поспѣваетъ Фердинандъ, оторвался носъ, и остался у Фердинанда одинъ пятакъ, вмѣсто носа.

Очень поучительна сія исторія, и стоитъ задуматься надъ ней.

ВЪ ГОСТИННОЙ.

Съ лицомъ безволосымъ, съ уморительной плѣшкой;
Такіе должно быть бывають скопцы.
Кто-то кому-то шепнулъ съ насмѣшкой:
«Подарить бы ему для завивки щипцы!»

Носъ — какъ слива, которая поспѣла
И уже потрескалась на солнечномъ лучѣ.
Когда онъ вошелъ, то изъ Грига пѣла
Барышня съ черной косой на плечѣ.

Стало обидно. Вотъ не кстати!
Мало здѣсь развѣ дамъ и мужчинъ?
Забѣгали глазки — проворные тати
Связались улыбки изъ мелкихъ морщинъ.

Стулья да кресла ячейки-соты,
Гости напоминали ядовитыхъ ось,
А онъ, гадюка, вытащилъ ноты —
Цѣлую пачку съ собой принесъ.

Сѣлъ на табуретъ, обитый кожей;
Для рояля такіе специально есть.
Кто-то сказалъ: — «Съ этакой рожей
Можетъ же человекъ на-люди лѣзть!».

Пальцами ткнулъ въ клавиши-зубы,
Туго нащупалъ нужный аккордъ,
Что-то вспоминая облизывалъ губы —
Чего ему нужно — плѣшивый чортъ?

Совсѣмъ тюлень, попавшій на сушу;
Взять бы да крикнуть: — «Лови, лови!»
Ужъ не хочеть ли онъ забратъся въ душу
Наивной пѣсенкой о своей любви?

«Вотъ я, бѣдный, моя принцесса!
«Чѣмъ я побаловать тебя могу?
«Сегодня шелъ, какъ всегда изъ лѣса —
«Цвѣты для принцессы собиралъ на лугу...
«Облако плыло на бѣлый сѣверъ,
«Жуки летали у бѣлыхъ березъ;
«Въ четыре листика найденный клеверъ —
«Смотри, я счастье тебѣ принесъ!
«Нечаянный подарокъ доброй феи...
«Прости, что хотѣлъ для себя сберечь —
«Возьми, принцесса, тебѣ нужнѣе,
«А мнѣ позволь въ отдаленіи лечь!
«Вотъ я, бѣдный, мой другъ — взгляни же,
«Вотъ я счастье тебѣ принесъ!..

Гости головы склоняли все ниже,
Въ комнатѣ не осталось ядовитыхъ ось...

Прислуга чай внесла на подносъ,
Но вернулась обратно, едва скользя —
Сама догадалась, что успѣть послѣ,
Если плачуть люди — мѣшать нельзя!

Валентинъ Горянский.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Двѣ „Волчьи ягоды“ о Гр. Распутинѣ
и Еп. Варнавѣ не могли быть напеча-
таны по независящимъ отъ редакціи
обстоятельствамъ.

Съ поличнымъ.

Въ бесѣдѣ съ однимъ дипломатомъ болгарскій Радославовъ
сталъ горячо убѣждать своего собесѣдника, что въ Болгаріи нѣтъ ни
одного германскаго офицера. „Научите меня, какъ связать ваше за-

явленіе съ тѣмъ, что гостиница, въ которой я проживаю, переполнена
германскими офицерами“ — съ нескрываеваемой ироніей сказалъ дипломатъ.
Радославовъ смутился и перешелъ на другую тему.

Такъ карманный воришка, руку котораго поймали въ
чужомъ карманѣ, начинаетъ хныкать и увѣрять, что это чи-
стѣйшее недоразумѣніе.

Крокодилова слеза.

Нѣкоторые мелкіе жулики вышеупомянутаго типа, пред-
ставъ передъ мировымъ судьей и выслушавъ обвинительный
приговоръ, вдругъ принимаютъ обиженный видъ и начинаютъ
горько плакать.

Напримѣръ:

Букарестская газета „Диминяца“ по поводу позиціи, занятой
болгарами, говоритъ: „Кажется, болгарскіе политики не даютъ себѣ
яснаго отчета о положеніи вещей; они какъ будто не ожидали рѣши-
тельныхъ шаговъ со стороны Россіи. Только этимъ и можно объ-
яснить, что Радославовъ, читая врученный Саблеромъ ультиматумъ,
заплакалъ. Обращаясь къ Саблеру, онъ сказалъ: „Никогда не ожи-
далъ, что Россія могла такъ поступить съ Болгаріей“.

— Господинъ мировой судья! За что же! Во-первыхъ,
я этого кошелка даже вовсе и не видалъ: во-вторыхъ, я его
взялъ, когда онъ лежалъ на полу, а въ-третьихъ, я даже не
знаю, какъ онъ у меня и въ карманѣ очутился!

Въ такихъ приблизительно выраженіяхъ составленъ бсл-
гарскій отвѣтъ на русскую ультимативную ноту...

Сноровка.

Оказывается, что не только австрійцы при бѣгствѣ бро-
сають оружіе и аммуницію; но и русскіе солдаты бросаютъ
сапоги, чтобы „способнѣе было бѣжать“.

Замѣчается только маленькая разниця: австрійцы бро-
сають ружья, когда бѣгутъ *отъ русскихъ*, а наши солдаты
бросаютъ сапоги, когда бѣгутъ *за нѣмцами*.

Въ бою у Молодечно, преслѣдуя германскую кавалерію, наши
солдаты сняли и побросали сапоги, чтобы легче было догонять.

И если германцы напишутъ, что русскіе *бѣгутъ, почти
раздѣтые и босикомъ*, они будутъ, конечно, правы, только —
съ другой стороны.

Естественный подборъ.

Г. Ренниковъ въ „Нов. Времени“ продолжаетъ, какъ изъ
пулемета, сыпать русскими нѣмцами.

Разсказываетъ онъ о встрѣченномъ имъ Соловѣ-Разб-
никѣ, который велъ съ нимъ такой разговоръ:

— Будешь въ Кіевѣ, кланяйся тамъ губернскому совѣтнику
Нандельштедту!

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ я.

— Еще кланяйся Медеру, фонъ-Циглеру, Блюму.

— Слушаю-съ.

— Еще кланяйся кіевскому уѣздному исправнику Фаллеру!

— Слушаю-съ.

— И его помощнику Плаксу!

— Слушаю-съ.

— Еще кланяйся начальнику желѣзнодорожнаго почтоваго отдѣ-
ленія Рудольфу Карловичу Кнаке. И старшему почтовому чиновнику
Карлу Мейрину. И окружному инженеру барону Штейнгелю. И его
замѣстителю Гретеру. И старшему повѣрителю кіевской повѣрочной
палаты мѣръ Готгарду Лудвигу...

— Слушаю-съ.

— Еще кланяйся старшему фабричному инспектору кіевской гу-
берніи Штерну. Еще кланяйся его замѣстителю Штенбергу. Еще
кланяйся члену правленія экспортной палаты Карлу Фишману. И ди-
ректору государственной сберегательной кассы Крейеру. И предсѣ-
дателю департамента судебной палаты Бруну. И члену судебной па-
латы Форегеру фонъ-Грейфену. И присяжному переводчику Ренигеру.
И члену совѣта отъ министерства финансовъ Тальбергу...

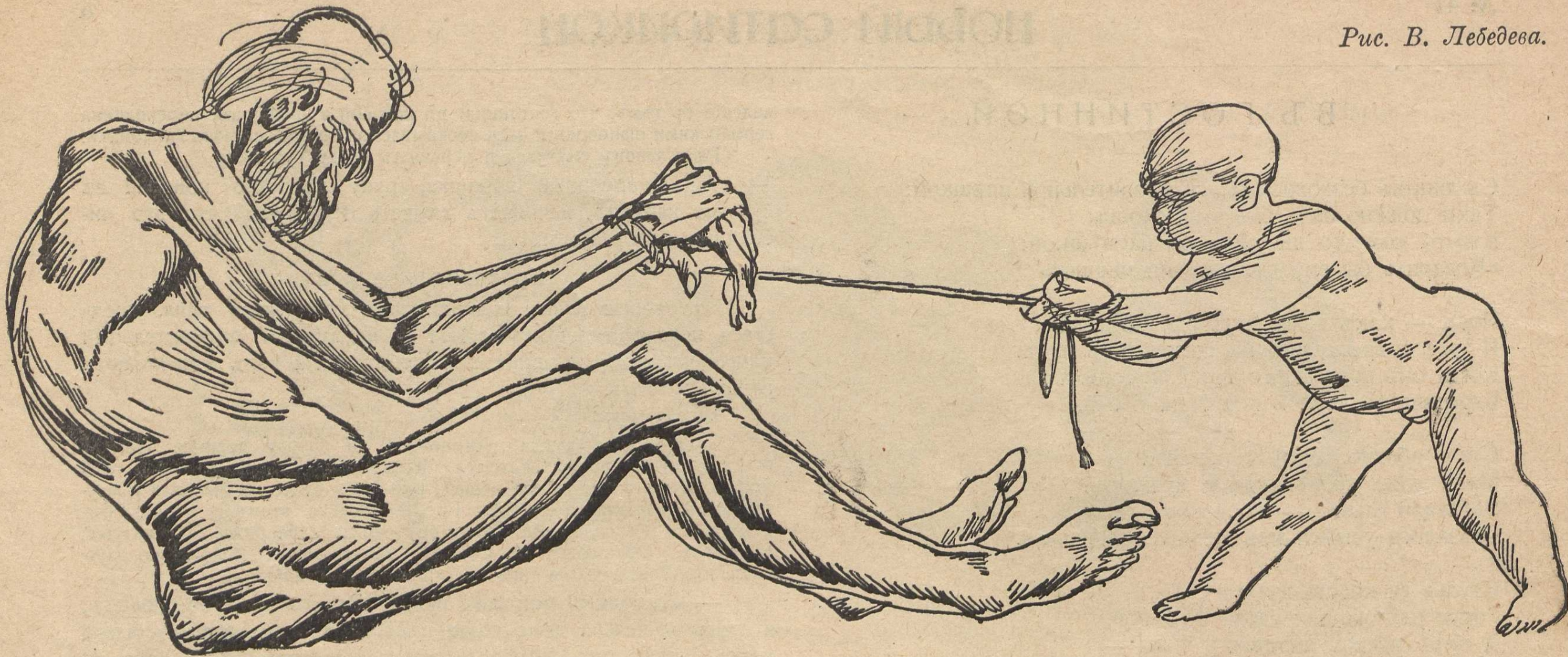
Всѣ эти фамиліи по увѣренію Ренникова, нащелкалъ ему
Соловей. Но умѣстнѣе было бы, если бы ихъ прокаркалъ
черный воронъ — до того все это мрачно, грустно и зло-
вѣще...

ЦВѢТЫ ОСЕННИЕ.

1. Русскимъ матерямъ.

Это вы нашептали тѣ свѣтлыя сказки,
Что творили Весну, окрыляя борцовъ,
Но была въ нихъ всегда, какъ въ участъѣ и въ ласкѣ,
Затаенная грусть облетѣвшихъ цвѣтовъ...
И въ былые года, у разбитой скрижали,
Въ ожиданьи утратъ, павши ницъ,
Вы искали исходъ безысходной печали
У лампадъ потемнѣвшихъ божницъ...
И теперь, когда слиты всѣ краски въ узорѣ,
Когда жизнь обнажила всѣ язвы свои,
За минувшее счастье, за новое горе,
Отдаю я вамъ грустныя пѣсни мои!...

Сергѣй Михѣевъ

ЗАГЛАВІЕ ВЪ КОНЦѢ.

Обыкновенно, это бываетъ такъ. Редакторъ беретъ карточку, закрываетъ лицо руками и начинаетъ тихо плакать отъ умиленія.

— Не можетъ быть, — съ трудомъ выговариваетъ онъ сквозь слезы, — я не вынесу этого...

— Что не можетъ быть? — участливо спрашиваетъ репортеръ, принесшій извѣстіе о кандидатурѣ.

— Это не Каратынинъ...

— Да, но высокоосвѣдомленное лицо...

— А оно-то увѣрено?

— Даю я ему три рубля, а оно и говоритъ: мы, говоритъ, швейцары, не вы... День-деньской стоишь, такъ до всего досмотришься. Для васъ, говоритъ, только и карточку достаю.

— Боже мой... Лицо-то какое, лобъ, уши...

— Да ужъ, всякаго кандидатомъ не назовутъ...

— А узналъ что-нибудь?

— Я-то? Это вы другихъ спрашивайте, а ужъ я знаю... Черезъ три недѣли — портфель.

— Сами напишете? Боже мой... Профиль какой...

— У кого профиль?

— Да у него вотъ... Фотографія, механическая штука, а какъ схвачено...

— Да я вамъ не Каратынина далъ. Это такъ, юбилейный купецъ одинъ... Помѣстить просить. Каратынина послѣ достану...

* * *

На другой день рядомъ съ портретомъ усталого лысаго человѣка съ большой сѣдой бородой, появляется небольшая замѣтка:

«Изъ вполне достовернаго источника намъ удалось узнать о вѣрномъ кандидатѣ въ министры. Кто не знаетъ Афанасія Петровича Каратынина? Это пустой вопросъ нашей больной современности. Всѣ знаютъ. Будучи скромнымъ юношей, онъ съ ранняго дѣтства получилъ воспитаніе. Самыя разнообразныя науки занимали его пытливый дѣтскій умъ и въ началѣ его служебной карьеры. Когда-то скромный чиновникъ, теперь онъ женатъ, и судьба его благословила тремя сыновьями, изъ которыхъ одна изъ дѣтей нынѣ состоитъ въ комитетѣ сбора пожертвованій въ Симбирскѣ. А. П. живетъ одинокой трудовой жизнью въ своей квартирѣ на Бармалѣвой, съ окнами на улицу. Будучи принятъ нашимъ сотрудникомъ, у себя въ квартирѣ, намъ сообщаютъ: А. П. большой сторонникъ реформъ въ области какъ международной внутренней политики, такъ и въ почтовомъ вѣдомствѣ. Каратынинъ истинный примѣръ скромности. Онъ живетъ и работаетъ въ домашнемъ кругу за простымъ письменнымъ столѣ безъ всякихъ украшеній, кромѣ двухъ простыхъ «кнопокъ», которыми припилены поздравительныя открытки на стѣнѣ, и двухъ такихъ же скромныхъ кнопокъ на телефонѣ. По поводу своего назначенія А. П. скромно отвѣтилъ: думаю, что это неправда, но когда меня беспокоятъ — не люблю. Мягкая улыбка все время играла на его устахъ. Сотруднику нашему любезный А. П. подарилъ свою книгу «Списокъ абонентовъ городской телефонной станціи» (Петроградъ, 1915, роскошное изданіе безъ особыхъ украшеній) съ теплой надписью: отъ автора.

Подробности завтра».

* * *

Въ теченіе двухъ дней въ редакціонной комнатѣ надъ столикомъ репортера виситъ повергающая всѣхъ въ агонію дикой зависти надпись:

Завѣдующій Каратынинъ.

— Въ гору лѣзетъ, — хмуро отзываются младшіе собратья репортера, — связи есть, знакомства официальные...

Шопотомъ по темнымъ угламъ передается изъ устъ въ уста, что репортеръ — незаконный сынъ Каратынина, но скрываетъ это во имя заработка.

Редакторъ зоветъ его на отдѣльныя совѣщанія и интересуется подробностями.

— Видѣлся, видѣлся... — небрежно бросаетъ репортеръ, — знаю, о чемъ хотите спросить... Былъ у нея за просто...

— Ну и какъ? — съ легкой дрожью спрашиваетъ редакторъ. — Приняла?

— Меня? Меня приняла ли?

— Да вы не обижайтесь... Такой полезный человѣкъ въ газетѣ, а такой обидчивый...

— Да ужъ пора бы знать, съ кѣмъ имѣете... Запросто была у нея. Вы не думайте, чтобы въ этихъ вышихъ сферахъ что-нибудь особенное. Пилъ чай. Колбаса тамъ, кильки... Анекдоты. Сахаръ пиленый откуда-то достала. Афанасій Петровичъ, говоритъ, у насъ съ дѣтства къ этому былъ приспособленъ, вотъ и достукался...

— Вы бы ужъ все написали...

— Напишу, напишу, голубчикъ... Очень-то ужъ не напирайте...

— Можетъ, если нужно что-нибудь вамъ...

— Послѣ, голубчикъ. Конечно, нужно.

* * *

Замѣтки въ слѣдующихъ номерахъ газеты носятъ приблизительно такой характеръ:

«Будучи принятъ прогрессивнымъ блокомъ, нашъ сотрудникъ выяснилъ, что кандидатура Каратынина — дѣло рѣшенное. Блокъ высказывался за это. Мягкая радушная улыбка играла на его устахъ, когда онъ говорилъ это. Наши слухи оправдались».

«Будучи столь любезно принятъ, нашъ сотрудникъ выяснилъ, что Каратынину 52 года, имѣетъ помѣстье въ Сызранской губерніи. Вчера уважаемый А. П. выѣхалъ на три дня изъ столицы. На вокзалѣ его провожала масса народа. Перронъ былъ полонъ. Мягкая улыбка играла на его устахъ».

Тутъ же сбоку, по разсѣянности ночного редактора, стоитъ небольшая замѣтка:

«Будучи любезно принятъ, нашъ сотрудникъ сообщаетъ, что въ Тверской губерніи ливень и градъ. Снесены шесть домовъ».

* * *

Приблизительно черезъ недѣлю, въ теченіе которой для газеты были опрошены какъ всѣ побочные родственники самого Каратынина, такъ и кровные родственники его школьныхъ товарищей, редакторъ зоветъ счастливаго репортера въ кабинетъ и плотно притворяетъ двери.

— Знаю, знаю, — фамиллярно похлопываетъ его по плечу репортеръ, — знаю, о чемъ хотите говорить... Былъ, аль...

— Руки, мерзавецъ, прочь, — неожиданно истерически кричитъ редакторъ, — да я тебя, если ты...

Репортеръ, легко предчувствуя объ опредѣленномъ концѣ

ЗАВѢЩАНІЕ

— Не будьте мною!

Завѣщаю, потомки,
Вамъ единый даръ мой: этотъ завѣтъ.
Все мое остальное — рвань и обломки,
Ничего драгоценнаго для васъ нѣтъ.
Но это — даръ цѣнный, тяжелый, богатый:
Только сумѣйте его принять!
Не будьте мною: молотомъ изъ ваты.
Не будьте мною: крикъ впередъ, а шагъ вспять.
Не будьте мною: дважды два всегда четыре.
Не будьте мною: плѣнникомъ словъ.
Не будьте мною: «бряцающимъ на лирѣ».
Не будьте мною: я... пожалуй... готовъ.
Не будьте мною: подъ искреннюю позу.
Не будьте мною: люблю... не люблю.
Не будьте мною: король — водовозу.
Не будьте мною: водовозъ — королю.
Но будь собою, каждый потомокъ,
Будь мнѣ обратенъ во всемъ, что ты есть:
Косноязыченъ въ звукъ и въ шагъ громокъ,
Пусть твои дважды два будутъ — пять, и шесть...
Бряцай на кочергѣ и молоти лирой.
Троеточія — въ мусоръ: самъ точкой стой!
Подъ каждой своей позою яму вырой,
А подъ искренней позой — двойную рой.
Отбрось возню съ любовью-нелюбовью:
Тигру — клѣтка или смерть, а тигръ — любовь.
Пропитай водовоза королевскою новью,
Влей въ короля водовозничью новь.
Нѣтъ, иначе, иначе все это сдѣлай,
Чѣмъ я говорю... Будь иначе — иной:
Ни черный, ни бѣлый, ни черно-бѣлый...
Будь проклятымъ мною!...

Не будь только мной.

Ал. Вознесенскій.

СТРАШНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Артистка Гималаева согласилась принять участіе въ благотворительномъ концертѣ и обѣщала пропѣть малороссійскую пѣсенку «Ой за гаемъ, гаемъ».

Только послѣ того, какъ были отпечатаны афиши и три четверти билетовъ были распроданы бѣгавшими по городу студентами, артистка сдѣлала страшное открытіе: она не знала малороссійскаго языка.

Это незнаніе обнаружилось на первой же репетиціи.

Не успѣла артистка послать нѣсколько улыбокъ апплодировавшимъ ей товарищамъ по концерту, какъ къ ней подошелъ незнакомый студентъ и сказалъ:

— Вы меня, мадамъ, извините... Хотя это и не мое дѣло, но поете вы препогано. Не то, что голосъ. Въ голосѣ я ни биса не понимаю. Но словъ вы не знаете. Если вы взяли пѣть украинскую пѣсню, такъ и пойте ее по-украински, а не по-кацапски... не по-русски, то-есть.

— Я полагаю, — недовольно отвѣтила артистка, — слова пѣсни я выучила какъ надо.

— Что слова? Кому нужны ваши слова, если вы ихъ произносить не умѣете. Ну какъ вы поете?? «Зелѣнькимъ»? Какъ же можно пѣть «зелѣнькимъ», если по-украински надо пѣть «зеленѣнькимъ»?

Артистка снисходительно пожала плечами.

— Какой пустякъ. Можно ручаться, что никто не обратитъ вниманія на такую деталь.

— Не обратитъ? Мало на вашемъ концертѣ будетъ украинцевъ? Да я первый свистѣть вамъ буду, ежели вы пропоете «тамъ орала дѣвчина волкомъ чѣрненькимъ». Вѣдь, это, сударыня, безобразіе.

Артистка подошла къ піанино и раскрыла ноты.

— Тутъ такъ написано, — сказала она, — вотъ — орала, вотъ — дѣвчина, вотъ — волкомъ.

— Гдѣ волкомъ?

— Ну, пусть «волокомъ». Удлиненный волкъ. Такъ и Петръ Петровичъ объяснялъ.

— Сто бисовъ вашему Петру Петровичу. Какъ же вы будете пѣть, если даже не знаете, о чемъ будете пѣть. Ну,

что значитъ «орала»? По-вашему — ревѣла? Волокомъ? — Волкомъ? Сударыня, орала — значитъ — пахала, и пахала не волкомъ, а быкомъ. Ну, а «гай», что это за штука «гай»?

— Петръ Петровичъ говорилъ...

— Что говорилъ вамъ Петръ Петровичъ?

— Я не помню, — растерялась артистка, — что-то про Юлія Цезаря... Гай Юлій Цезарь...

— Васъ убить за это мало! Вы выступаете въ концертѣ, вы хотите пѣть украинскую пѣсню, и «гай» у васъ значитъ Юлій Цезарь?

— Какъ же быть?

— Учиться, сударыня, надо. Да-съ, учиться!

* * *

По договору, состоявшемуся между артисткой Гималаевой и студентомъ Хибажцетакъ, студентъ обязался за десять рублей обучить артистку произношенію словъ пѣсни «Ой за гаемъ, гаемъ».

Первый урокъ прошелъ слишкомъ шероховато.

Студентъ бѣгалъ по комнатѣ съ маленькой тетрадкой словъ, ерошилъ волосы и спрашивалъ въ разбивку слова.

— Какъ «барышня»? — ехидно спрашивалъ онъ.

— Д... дѣв... чи... на, — робко отвѣчала артистка.

— Не вѣрно. Ну... ну! Д... д...

— Ъвч...

— Не вѣрно! Въ уголь васъ за это надо поставить. Отвѣчайте, какъ произносится русское ять.

Артистка устремила взглядъ въ потолокъ.

— Русское ять произносится какъ одностолбное «і», — отвѣтила она.

— Такъ. Прекрасно. Какъ же теперь сказать «барышня»?

— Дивчина.

— Не такъ. Не тамъ удареніе. Говорилъ я вамъ про удареніе? Говорилъ я, что здѣсь надо поставить удареніе на послѣднемъ слогѣ «тамъ орала дивчина»?.. Ну, какъ — барышня?

— Дивчина.

— Фу! Какъ «пахала»?

— Орала.

— Удареніе! Гдѣ удареніе!

— На... послѣднемъ... слогѣ.

— «Орала» на послѣднемъ слогѣ? На послѣднемъ? Стѣнка, скажите, стѣнка, этому человѣку, что «орала» имѣетъ удареніе на второмъ слогѣ. Ну, дальше. Не подсматривайте въ тетрадку. Какъ творительный падежъ отъ слова, соответствующаго русскому «чѣрненькому»? Ну? Ну? Творительный отвѣчаетъ на вопросъ: «кѣмъ», «чѣмъ»? Удареніе! Удареніе только!

— Чѣр... Знаю, знаю... Чѣрненькимъ... То-есть... чѣрненькимъ.

— Нѣтъ... Тысячу разъ нѣтъ... Сто тысячъ разъ нѣтъ!

* * *

Репетиція не начиналась. Не пріѣхала еще Гималаева. Ждали артистку больше часу, потомъ рѣшили поговорить съ ней по телефону.

— Какая репетиція? — удивилась Гималаева.

Послѣ небольшого молчанія она протянула:

— Охъ, правда. Я совсѣмъ забыла... Извините, дорогой Петръ Петровичъ... Тутъ и не про репетицію забудешь. Вся жизнь идетъ кругомъ... Все учу... Съ утра до ночи... Если бы вы знали, что за мука учить малороссійскій языкъ! Что ни слово, то удареніе... То на первомъ, то на послѣднемъ! Господи, а это «е»! То читай его, какъ «э», то какъ «е», то какъ «і». Почему? Какое правило! Какая же я несчастная!

Петръ Петровичъ уловилъ въ голосѣ артистки слезы и уже собирался что-то отвѣтить, какъ до него донесся грубый мужской голосъ:

— А какъ «глазъ»? Съ кѣмъ это вы? Такъ это вы учитесь? По телефонамъ разговариваете? Дайте сюда трубку! Эй вы, который тамъ! Не смѣть намъ мѣшать!

— Нахаль! — весь вспыхнувъ, бросилъ Петръ Петровичъ.

Сбитый съ толку Петръ Петровичъ повѣсилъ трубку и возвратился къ артистамъ.

Разсказалъ.

Долго совѣтовались.

Рѣшили послать къ артисткѣ депутацію.

* * *

Депутацию артистка приняла лежа. Подлѣ нея стоялъ цѣлый ассортиментъ пузырьковъ, коробочекъ, флаконовъ. Вся кушетка была завалена книгами, тетрадками, мелко исписанными ластками бумаги. Въ комнатѣ стоялъ запахъ валерьяновыхъ капель.

Полузакрывъ глаза, артистка что-то шептала.

Увидѣвъ товарищей, она попробовала приподняться и улыбнуться. Но улыбка вышла болѣзненной и кислой.

— Видите... учу... — виновато сказала артистка.

Замѣтивъ, что товарищи не понимаютъ въ чемъ дѣло, она продолжала:

— Татьяну легче было выучить!!... Какъ трудно... Кажалось бы такая маленькая пѣсенка... А не дается... Совсѣмъ замучилъ... И симпатичный съ виду... И сту-

то билось съ невѣроятной быстротой, то замирало, кололо въ вискахъ, что-то ныло, что-то давило.

Послѣ второго звонка въ уборную къ артисткѣ зашелъ студентъ Хибажцетакъ.

— Ну, хорошо теперь помните? — спросилъ онъ.

— Помню...

— Такъ... Ну и прекрасно... А, можетъ быть, повторимъ еще разокъ?

— Что жъ... повторимъ... — апатично отвѣтила артистка.

— Ну. Отвѣчайте. Только какъ можно членораздѣльнѣе.

— Ну... Ой...

— Ой... за... гаемъ...

— Прекрасно. Дальше.

— Дальше... Дальше я забыла.

У студента волосы встали дыбомъ.

Рис. Миусъ.

дентъ... А какъ слова спрашивать начинаетъ, лучше бы повалилъ меня и до смерти заporоль...

Артистка тихо заплакала.

— Не пойму, да и только... «Орала»... Кого хотите спросите, что значить «орала»? — такъ и скажутъ «орала», а здѣсь «пахала»... Почему же пахала?

— Странно, — удивился Петръ Петровичъ, — никогда не повѣрю, чтобы русское слово «орала» значило «пахала»... Кто васъ этой ереси учить?

— Ереси? — грустно отвѣтила артистка. — Нѣтъ, не ереси. Взясась, дура, за малороссійскую пѣсню, взялась на горькое горе. Идите, лучше, господа! Некогда мнѣ!

Въ столовой горничная подробно рассказала артистамъ всю исторію болѣзни Гималаевой.

— Да... Чего не сдѣлаешь для искусства, — вздохнулъ Петръ Петровичъ и, указавъ товарищамъ глазами на выходную дверь, тихо вышелъ изъ комнаты.

* * *

Даже въ день своего перваго дебюта Гималаева не нервничала такъ, какъ нервничала за часъ до концерта. Сердце

— Это невозможно, — зловѣще зашепталъ онъ. — Я вамъ подскажу немножко, остальное вы объяснаны припомнить... Ну, вы сказали: «ой за гаемъ»... Дальше: «гаемъ»... Ну...

Артистка подняла голову.

— Пожалѣйте меня... Четыре дня учила... Не могу... Я сейчасъ заплачу... Какъ же я буду пѣть, если у меня глаза будутъ заплаканы?

— Что вы говорите! Какъ можно думать о глазахъ, разъ забыты слова! Позоръ! Скандаль! Свистки! Слушайте: «ой за гаемъ, гаемъ, гаемъ зелененькимъ, тамъ орала дивчина»...

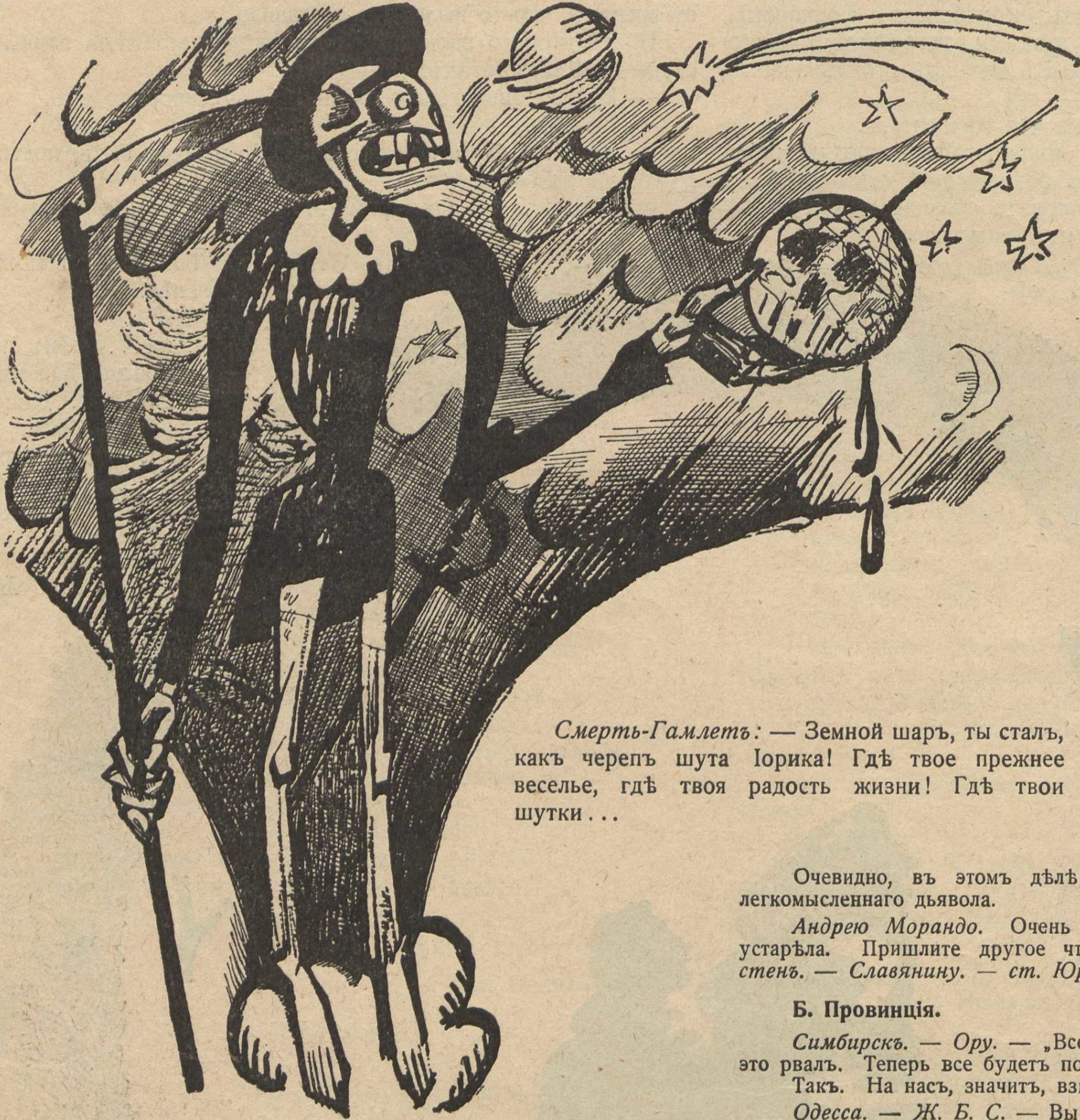
— Охъ... Будетъ...

— Нѣтъ, не будетъ! — началъ волноваться студентъ, — что же, повѣрю я вамъ? Повѣрю, чтобы оперная артистка не могла выучить малюсенькой пѣсенки. До вашего выхода больше часа. Садитесь, учите. Я успѣю васъ прослушать.

Артистка взяла протянутый листъ и задумалась.

* * *

Рис. А. Радакова.

Смерть-Гамлетъ: — Земной шаръ, ты сталъ, какъ черепъ шута Юрика! Гдѣ твое прежнее веселье, гдѣ твоя радость жизни! Гдѣ твои шуточки...

Дрожащая и блѣдная выходитъ на эстраду Гималаева. Старается припомнить слова пѣсни, припоминаетъ, путается въ удареніяхъ, сбивается и окончательно теряетъ подъ ногами почву.

Слѣдовавшій за ней аккомпаниаторъ вдругъ встаетъ, беретъ другую пачку нотъ, раскрываетъ ее и... и публика и Гималаева слышитъ начало «Хризантемъ»...

Гималаева сразу приходитъ въ себя. Бросаетъ благодарный взглядъ въ сторону аккомпаниатора, оживаетъ и начинаетъ пѣть...

За бурными аплодисментами не слышно зубовнаго скрежета студента Хибажцетака...

Евграфъ Дольскій.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

И. Свенскому. — У Свенского о словѣ „шаблонъ“ есть свое собственное оригинальное мнѣніе.

Онъ пишетъ:

„Посылаемые мои стихи, помимо ихъ звучности и шаблонности, отличаются и другими достоинствами“.

Это напоминаетъ намъ слова одного скромнаго независимаго чело-вѣка, который любилъ говорить: — Я дворянинъ, но горжусь.

Несмотря на ярко выраженную шаблонность, стихи ваши напечатаны не будутъ.

Галерная. — *Ка. Эм. Де.* — „Какъ вы смотрите на то, чтобы я печатался у васъ въ каждомъ номерѣ...“

Не дай Богъ.

Книжной крысъ. — Какое можно вывести заключеніе изъ нижеслѣдующаго:

Мнѣ звѣзды кричатъ: „Погоди!“
И вѣтеръ свиститъ: „Не спѣши“,
А дьяволъ стоитъ за плечомъ
И шепчетъ: пиши же, пиши!

Простой вѣтеръ смыслить больше

Очевидно, въ этомъ дѣлѣ легкомысленнаго дьявола.

Андрею Морандо. Очень недурно, но, къ сожалѣнію, тема устарѣла. Пришлите другое что-либо. — *Торъ-Ашу.* — *А. Эльстенъ.* — *Славянину.* — *ст. Юр.* Не подошло.

Б. Провинція.

Симбирскъ. — *Ору.* — „Все, что я раньше ни писалъ — все это рвалъ. Теперь все будетъ по иному...“

Такъ. На насъ, значитъ, взваливаете эту работу?

Одесса. — *Ж. Б. С.* — Вы — уже второй, который заявляетъ, что онъ „осѣдлалъ свою музу“...

Очевидно, вы спутали бѣднягу съ Пегасомъ, и она вамъ жестоко за это отомстила: ваши стихи напоминаютъ зубную боль, — отъ этого не умираютъ, но все-таки очень неприятно.

Въ пространство. — *Мало-барскому.* — „Могу, — довольно невразумительно писать вышеупомянутый, — въ каждомъ номерѣ завинчивать (?) стихотвореніе“.

Завинчивайте. А мы, получивъ, сейчасъ же, какъ говорится, прищипандоримъ его въ корзину.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

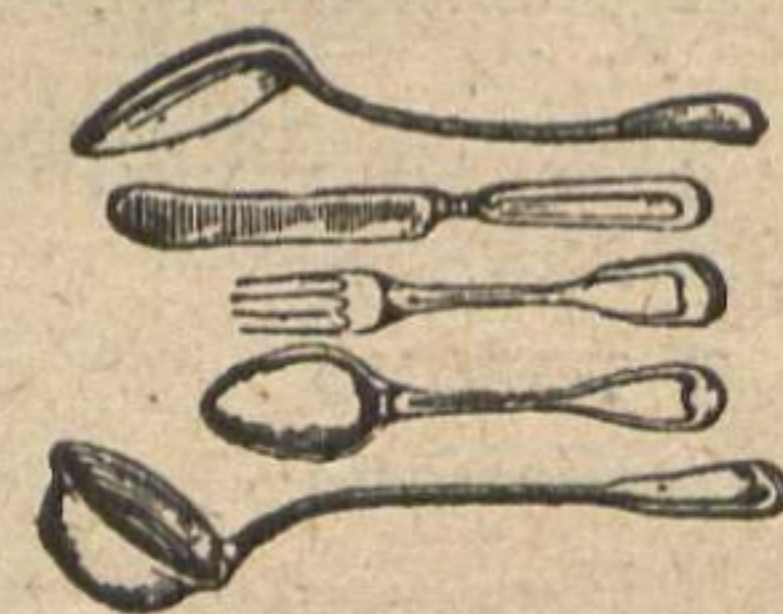
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“

По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб., съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к.
на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Тэффи.

Карусель.

Цѣна 1 р. 25 к.

И стало такъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Аркадій Аверченко.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 1 р. 25 к.

Волчьи ямы.

Цѣна 50 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Исидоръ Гуревичъ.

Сигнальныя ракеты.

Цѣна 1 р. 25 к.

Дмитрій Цензоръ.

Легенда будней.

Цѣна 1 р. 25 к.

Сергѣй Горный.

Почти безъ улыбки.

Цѣна 1 р. 10 к.

А. Мюрже.

Богема.

Цѣна 1 р. 25 к.

„ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ“.

(СЪ КѢМЪ МЫ ВОЮЕМЪ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Издание богато иллюстрировано.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ!

Аркадій Буховъ.

ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

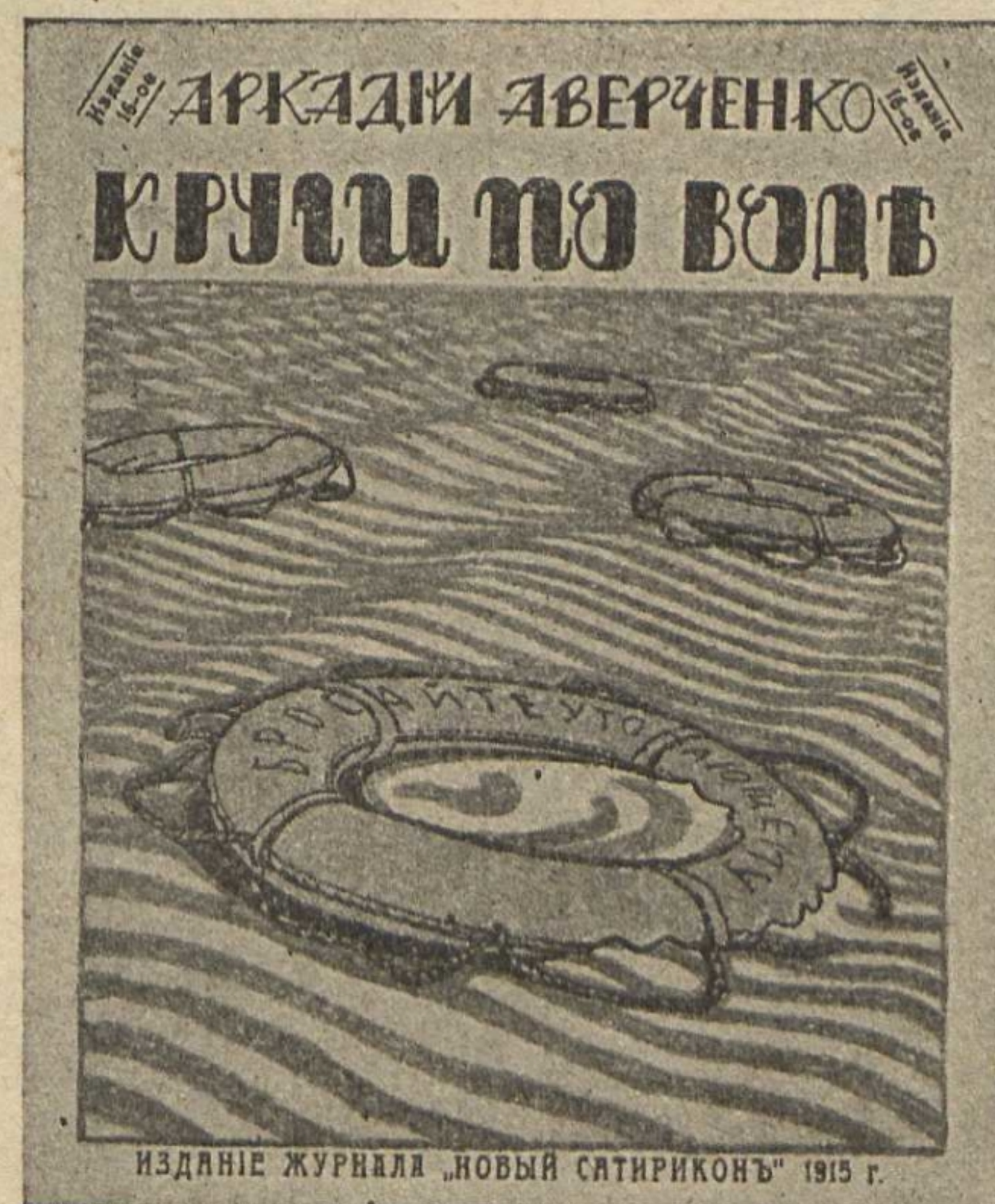

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Цѣна 1 р. 25 к.

СЛАВЯНСКІЙ ПРОМЕТЕЙ НА БАЛКАНАХЪ.

Фердинандъ Кобургскій: — Вотъ, мой родной нѣмецкій орель, я сейчасъ покажу тебѣ самое больное мѣсто этого славянина.